

Ци Хань провалялся в постели пять дней, пребывая то в полудрёме, то в полуобмороке, но теперь чувствовал себя на удивление бодрым.

Он осторожно расправил одеяло на Фу Гэ, следя, чтобы нигде не осталось ни единой складки, затем вынул его руку из-под щеки — пусть не затекает, и наконец, повернулся на бок, ближе к маленькому Дзюэ, с предельной аккуратностью выпуская в воздух едва уловимое облако феромонов.

Запах колокольчика — особенный. Он может быть оружием, может быть защитой.

В своём пиковом состоянии Ци Хань мог мгновенно взвинтить концентрацию феромонов в десятки, сотни раз, превращая воздух вокруг в колючую, невидимую паутину, пронзающую пространство ядовитыми шипами. В радиусе пятидесяти метров не могло выжить ничего живого.

Но стоило ему свернуть эти шипы, смягчить аромат, и он становился чем-то другим — чем-то глубоким, ласковым, окутывающим, будто невидимый шелковый покров. Даже если Фу Гэ не мог различить запахи, он всё равно чувствовал, как этот нежный аромат согревает его, проникая прямо под кожу.

Двое спящих существ на его подушке от удовольствия потерлись о неё. Особенно Фу Гэ — едва уловив знакомый запах рядом, он, даже не просыпаясь, наморщил носик, чуть глубже вдохнул воздух, словно выискивая источник этого уюта.

Ци Хань усмехнулся. Протянул руку, легко коснулся его носа пальцем и прошептал:

— Ищешь меня?

Бета даже глаз не открыл. Просто нащупал его пальцы, зацепил их и прижал к своей щеке, вдыхая глубже, будто не мог надышаться.

Высокоранговые альфы от природы наделены звериным инстинктом — в них, в их самой сути живёт что-то дикое, почти уродливое, жёсткое, извращённое желание владеть. Они рвут в клочья всё, что пытается ускользнуть, не прощают ни предательства, ни слабости. Но если уж альфа выбрал семью, спутника, своё место в этом мире — он останется. До последнего дыхания.

Ци Хань обладал многим, но на самом деле хотел лишь малого. И это малое сейчас спало в его постели, цеплялось за его пальцы и, даже во сне, искало его.

Малыш впервые почувствовал феромоны Ци Ханя, и, что удивительно, отреагировал на них даже острее, чем Фу Гэ. Ци Хань задумался: может, со временем он разовьётся либо в альфу, либо в омегу? Хотя, впрочем, какая разница. Альфа, омега — неважно. Для него это уже

решённый вопрос: он будет заботиться о нём, как о собственном сыне.

И как раз в этот момент малыш, сонно посапывая, тихонько пробормотал:

— Папа...

Толстенькие пальчики в воздухе беспокойно сжались, будто он что-то искал.

— Тебе нужен твой папа? — Ци Хань взял руку Фу Гэ, положил её в раскрытую ладонку ребёнка. Маленькая пухлая ручка тут же вцепилась в палец, сжимая его изо всех сил, словно боясь, что тот исчезнет.

Ци Ханю стало смешно. Он как раз собирался встать, когда ребёнок, снова не раскрывая глаз, пробормотал:

— Хань-папа... ручку...

Альфа застыл.

— ...Меня?

Он даже не сразу поверил. Он не знал, как реагировать, просто, сам того не замечая, медленно наклонился, опустился на край кровати и осторожно вложил палец в крохотную ладонку.

Мягкие детские пальчики обхватили его, удержали, не отпуская. И сердце вдруг сжалось, так остро, так неожиданно, будто его пронзило.

Он никогда не мечтал о таком. Даже в самых смелых фантазиях.

Неделю назад он был готов умереть. В голове — только холодная, звенящая пустота, никаких сожалений, никаких привязанностей, даже вещей, которые можно было бы взять с собой в могилу, — не было ничего.

Но сейчас, спустя всего семь дней, у него снова есть Фу Гэ. И этот маленький ребёнок, который цепляется за него во сне.

Семья.

Ци Хань смотрел на них, и вдруг всё то, что мучило его последние месяцы, показалось лишь затянувшимся кошмаром.

Он сидел рядом до тех пор, пока малыш не заснул окончательно, а потом нежно провёл рукой по его волосам, поправил мягкие пряди, и, не удержавшись, наклонился и тихонько поцеловал в пухлую щёчку.

С выключенной вспышкой он сделал снимок — в слабом свете уличного фонаря на фотографии были три силуэта, неразличимые, но чьи-то детские пальцы отчётливо цеплялись за взрослые руки, будто боясь их отпустить.

Ци Хань посмотрел на фото, провёл по нему пальцами, будто запечатывая в памяти, и бережно подписал:

«Весна нового года. У меня есть семья.»

Фу Гэ устал. Ци Хань его весь день таскал, мучил, не давал покоя — так что к вечеру тот просто вырубился, даже поужинать не успел. Альфа подумал, что неплохо бы приготовить им что-нибудь на случай, если проснутся голодными.

Место, где он сейчас жил, — частный клуб Фу Гэ. Скрытое, защищённое со всех сторон, здесь все свои. Пока он числится мёртвым и официально объявлен преступником, высываться наружу он не может.

Спустившись в маленькую кухню на первом этаже, Ци Хань сразу почувствовал запах — тёплый, густой, насыщенный, мясной, с лёгкой сладковатой ноткой хуа-шаня. Бульон? Он даже невольно сглотнул.

Шеф-повар, завидев его, тут же отвесил вежливый поклон.

— О, вас не ожидал увидеть. Бульон будет готов только завтра. Хотите, приготовлю вам что-нибудь другое?

— Не надо. Я сам.

Ци Хань ловко подхватил передник, перекинул через шею, затянул потуже. Выбрал пару крупных картофелин, принялся чистить, а потом уверенными, точными движениями нарезал их длинными брусочками.

Шеф застыл.

Он с удивлением наблюдал за тем, как тот орудует ножом, легко и привычно, будто всю жизнь простоял у плиты.

— Это для маленького господина?

— Нет. Для маленького господина — это ты. А я готовлю для маленького мистера.

Шеф тут же нахмурился.

— Так нельзя. После болезни надо бульон пить, а не этим мусором желудок забивать.

Ци Хань удивлённо приподнял бровь:

— Он ни разу не просил вас сделать ему картошку фри?

Шеф-повар пожал плечами:

— Ни разу.

Ци Хань на секунду замер, а потом усмехнулся, решив, что Фу Гэ просто стеснялся признаться в таких детских слабостях. Он даже не догадывался, что за все эти годы бета так и не позволил себе съесть картошку фри ни разу.

Опустив нарезанный картофель в кипящее масло, он представил, как Фу Гэ сидит с тарелкой, неторопливо берёт одну соломку за другой, тщательно смакуя, будто это не обычный перекус, а какой-то важный ритуал. Ци Хань вытер руки и бросил через плечо:

— Маленький Гэ любит всякие вредности. Если меня рядом нет, готовьте ему иногда, но понемногу. Если будет есть слишком много, опять перестанет нормально ужинать.

Шеф ухмыльнулся, хлопнув себя по внушительному животу:

— Двадцать с лишним лет парню, а пристрастия, как у ребёнка. Забавный он у вас, маленький мистер.

Ци Хань рассмеялся, в его голосе проскользнула нотка гордости, свойственная родителям, которые любят похвастаться своим ребёнком.

— Ага. Иногда кажется, что он совсем не растёт.

Любит картошку фри, но никогда не просит. Обожает, когда его балуют, но никогда не признает этого вслух. Ложится спать, зная, что Ци Хань расскажет ему что-то перед сном, но сам об этом не заикается, как будто боится показаться слишком требовательным...

Ци Хань вдруг ощутил, как у него сжимается сердце.

Фу Гэ заполнял его до краёв, забирал в себя всю его нежность, всю его заботу, превращая сердце в сосуд, полный тёплого, почти невыносимо сладкого счастья.

— Было бы хорошо, если бы он никогда не повзрослел, — вдруг пробормотал шеф. — Жил бы, как сейчас, без забот, не зная, что такое унижения... А не как тогда, несколько лет назад.

Ци Хань резко поднял голову.

— Вы... вы его знали?

— Конечно, — шеф снял колпак, бросил его на стол и вздохнул. — Тогда я был обычным посудомойщиком, а он — новичком, которому поручили мытьё и чистку овощей. Заметный парень, уж слишком — через пару дней уже весь ресторан знал, что он сын этого ублюдка Фу Чжэньина. А дальше... дальше всё было, как обычно.

Грудь Ци Ханя пронзило острое, ледяное предчувствие.

— Что значит «как обычно»?

Шеф сжал кулаки, по его лицу скользнула тень глухой злости.

— Да что тут непонятного. Как и везде, когда кому-то хочется выместить свою злость.

Он резко развернулся, словно ему было трудно говорить.

— Все знали, что он слабый. Что у него больные лёгкие. Так что давали самую грязную, тяжёлую работу. Бросали на вынос мусора, заставляли таскать тяжёлые баки с водой, чистить картошку в ледяной воде, стирать униформу поваров... Знали, что у него нет сил, но всё равно грузили его, пока он не падал. В еду ему сыпали соль и уксус, чтобы не мог есть... — шеф замолчал, стиснув зубы. — А он тогда ещё и девятнадцати не было.

Воздух в комнате, казалось, вдруг стал вязким и плотным.

Ци Хань не сразу понял, что у него трясутся руки.

Больные лёгкие? Фу Гэ болел?

У него когда-то была болезнь лёгких?!

Он напряг горло, пытаясь выдать хоть слово.

— И... и что потом? Он... выздоровел?

Ци Хань невольно задержал дыхание, его глаза вспыхнули тревожным, болезненным багрянцем.

— Что... что с ним случилось?

Шеф сжал кулаки, голос звенел от злости.

— Лёгочные болезни — это дорого, а у него не было денег. Целый месяц его травили на кухне, он кашлял кровью каждый день, но терпел, ждал, когда получит зарплату, чтобы купить лекарства. А потом... угадайте, что случилось?

Воздух в комнате сгустился.

— Что?.. — Голос Ци Ханя прозвучал хрипло, почти беззвучно.

— Один из главных акционеров пришёл поужинать и заявил, что от вида этого дохлого пацана у него аппетит пропал. Хозяин ресторана даже секунды не думал — тут же выкинул его на улицу.

Раздался хрустальный звон. Тарелка с грохотом упала на пол, картошка фри разлетелась по плитке, а Ци Хань застыл, словно его ударили в солнечное сплетение.

В горле застрял комок, слова застряли в зубах, сердце ударилось о рёбра и провалилось в пустоту.

— Название... — Голос был глухим, каким-то чужим. — Как назывался этот ресторан?

Шеф пожал плечами, не заметив, как напрягся альфа.

— “Юэсян”.

В этот момент что-то холодное, острое, смертельно болезненное вонзилось в грудь.

Чёрт, он помнил этот день.

Проклятый день, когда он по приглашению заглянул в один ресторан, раздражённый, вымотанный, злой. Дождь барабанил по крыше, его машину залила грязь, в глазах всё плыло, мир был серым и липким.

И там, среди суеты кухни, он увидел кого-то.

Тощего до болезненности, ссутулившегося, забившегося в угол, скрытого под поварским колпаком. Ци Ханю тогда показалось, что он похож на облезлого воробья — жалкого, неуместного.

Обычно он не обращал внимания на такое, но в тот день был в дерьмовом настроении. И просто ткнул пальцем.

— Вам бы внимательнее выбирать персонал. От такого вида у клиентов аппетит пропадает.

Он не знал.

Блядь, он не знал.

Ци Хань задумался: о чём тогда думал Сяо Гэ, спрятавшись за огромным, нелепым поварским колпаком, когда смотрел на него — того самого мальчишку, которого когда-то так сильно любил?

Наверное, там билась одна-единственная мысль, так и не получившая ответа за все эти годы: как ты можешь... быть таким жестоким ко мне...

Глаза потемнели, мир качнулся, и он осел на пол, как сдувшийся мяч, обессиленный, потерявший опору. Громкий возглас, поспешные шаги — шеф-повар кинулся к нему, но Ци Хань лишь безучастно отстранил его руку.

— Выйдите... пожалуйста...

Он смотрел вниз — на упавшую картошку фри, на клубящуюся в воде кожуру, а затем вдруг медленно опустил руку в ледяной таз. Прошло всего пять минут — пальцы уже занемели, но его маленькому бета приходилось держать руки в этой ледяной воде весь день.

Когда его вышвырнули на улицу, он просил хоть у кого-то денег?

Когда его унижали, он умолял кого-нибудь о пощаде?

Когда раз за разом захлёбывался кровью, когда балансировал между жизнью и смертью, не имея даже на лекарства, он хоть раз молил небо перестать его добивать?..

Он видел, как Ци Хань сидел в дорогом ресторане, ковыряя вилкой еду, за которую Фу Гэ не смог бы заплатить даже за месяц работы, и презрительно морщился. Тогда он задумывался —

хоть на секунду, хоть в глубине души, – не стоило ли попросить его о помощи?

Наверное, нет. По крайней мере, в последний раз – точно нет.

Ведь его лёгкие были разрушены не случайностью, не болезнью, а теми четырнадцатью днями, когда его держали взаперти, доводили до предела. Человека, ночами вздрагивающего от кошмаров, невозможно было сломить настолько, чтобы он стал молить своего палача о пощаде.

Ци Хань думал: он был хуже, чем все те повара, что травили Фу Гэ, – они хотя бы не пытались его убить. А он... он сделал это дважды.

Лезвие вошло прямо в сердце, вспарывая его, превращая в кровавое месиво, из которого вытекало нечто большее, чем просто жизнь. Ци Хань дрожащими пальцами поднял с пола осколок, полоснув себя по пальцам – но даже не почувствовал боли.

Раскаяние сдавило его, будто стальные нити, режущие прямо по мозгу.

Ци Хань снова приготовил порцию картофеля фри и механически, как сломанный робот поднялся наверх.

Стоило дверям лифта раскрыться, как в тусклом коридорном свете вырисовалась неожиданная фигура.

Ци Чуань взглянул на него, затем – на тарелку в его руках, усмехнулся с лёгким оттенком усталости:

— Поболтаем?

— Говори быстрее. Они скоро очнутся.

Ци Чуань кивнул, протянул ему стопку старых, потёртых листков.

— Посмотри.

Ци Хань пролистал несколько страниц – все они были испещрены нервными, грубыми линиями. На одних угадывались очертания мужской фигуры, на других – лишь тёмные, хаотичные пятна.

— Это рисовал Сяо Гэ?

— Да. В первый месяц, когда я его нашёл. Он рисовал своего отца.

В глазах Ци Ханя промелькнула тень замешательства.

— Почему они такие...

— Беспорядочные? — спокойно закончил за него Ци Чуань. — Потому что он уже не помнит, как тот выглядел.

Фу Гэ потерял отца ещё в детстве. Воспоминаний о нём у него почти не осталось - лишь старые фотографии, пара детских игрушек, к которым он прижимался, когда скучал.

Но когда Фу Чжэньин арестовали, полиции хватило одного дня, чтобы выкинуть его прошлое на помойку.

Зрачки Ци Ханя резко сузились, он вскинул взгляд, глядя на Ци Чуаня, который спокойно произнёс:

— Благодаря тебе он так и не успел вернуться. Он потерял всё.

Голос был ровным, почти холодным, но каждое слово било как молот.

— Линьчуаньлу, 34... Это ведь кладбище, где похоронен твой отец, верно? — Ци Чуань взглянул на человека, спящего в палате. — Эти годы я водил его туда сотни раз. Цинмин, Ханши, Чжунцю, Новый год - каждый раз он ждал, пока ты уйдёшь, и только тогда садился у могилы господина Ци. Ты знаешь, почему?

Ци Хань больше не думал, не понимал, не ощущал собственного тела - только тупую, растекающуюся по костям боль.

— Зачем?..

— Потому что он не знает, где похоронен его собственный отец.

— Помнишь ли ты... тот день, пять лет назад? — голос Ци Чуаня был ровным, лишённым эмоций, но в нём звучало нечто, от чего становилось нестерпимо. — Последний день перед тем, как ты его запер. Когда он, сломленный, согласился даже пойти выпивать с богачами, лишь бы ты позволил ему увидеться с Фу Чжэньином.

Ци Хань ничего уже не мог сказать. Только моргнул - один раз, другой, но нестерпимо налитые кровью глаза будто вот-вот готовы были лопнуть.

— Потому что только Фу Чжэньин знал, где похоронен его отец.

Пауза.

— Он унижал себя перед тобой, он унижал себя перед всеми, только чтобы узнать место, где покоится его отец.

— Но ты не сдержал своего слова.

Он пытался нарисовать портрет отца тысячи раз, но каждый раз рука дрожала, память рушилась, пережитое превращало линии в хаос.

Он так и не смог.

И знаешь, кого он в итоге почитал как отца?

Твоего отца. Потому что найти своего он уже никогда не сможет.

Ци Чуань аккуратно поправил манжеты пиджака, не глядя на него, затем, развернувшись, добавил последнее:

— Я не знаю, что случилось той ночью, из-за чего Сяо Гэ вдруг решил тебя простить. Но в нашей семье уважают его решения.

Его голос стал твёрдым, бескомпромиссным, с ноткой той угрозы, что ощущается не в словах, а в самом воздухе.

— Пять лет назад мы опоздали, когда он нуждался в нас.

— Но если ты ещё раз причинишь ему боль...

Он шагнул вперёд, глядя прямо в его опустошённые глаза.

— Я тебя убью.

Сказав это, он развернулся и ушёл, оставив после себя лишь маленький парчовый ларец, лежащий на столе.

Ци Хань рухнул на пол, одной рукой вцепившись в стену, другой опираясь о холодную плитку. Он машинально открыл шкатулку. Внутри лежал изящный хрустальный ключ, а под ним — бумажка с номером комнаты.

Ци Хань потащил себя вперёд, шаг за шагом, спотыкаясь, словно кто-то сковал его ноги свинцом. Дошёл до двери, вставил ключ в замочную скважину, повернул.

Дверь распахнулась.

Одного взгляда хватило, чтобы остолбенеть.

Медведи.

Повсюду.

Бесчисленные плюшевые медведи.

На стенах висели розовые медвежата, пол был завален игрушками, а вдоль стен тянулись три ряда стеллажей, полностью забитых мягкими игрушками.

Но это было не просто комната. Это был музей прошлого.

На этих полках — вся их жизнь.

Старенькая школьная форма — синяя с белым, как в старших классах.

Пожелтевшие тетради, на полях которых виднелись карандашные каракули, их почерк, их общие шутки.

Небрежный набросок — две фигуры, держащие друг друга за руки.

Бутылка с гранатовой газировкой, той самой, что маленький бета так любил покупать, когда ждал, пока он доиграет баскетбольный матч.

Засушенный цветок боярышника, превращённый в хрупкий гербарий.

Рядом лежал новый альбом для рисования.

Ци Хань медленно открыл его, перевернул первую страницу — и замер.

На пожелтевшей бумаге был нарисован мальчишка, играющий в баскетбол на фоне закатного солнца.

В правом нижнем углу страницы виднелся загнутый уголок, а на нём — такие знакомые, такие до боли родные слова...

“Он был самым высоким альфой на площадке, но в моих глазах, когда он держал баскетбольный мяч, он напоминал медвежонка, обнимающего банку с мёдом. В первый день, когда я влюбился в А Ханя, он был таким... милым.”

Дата — конец лета, семь лет назад.

Тот самый день, когда они увидели друг друга впервые — и пропали.

Тот альбом с пометкой 3.11 был всего лишь прикрытием. Настоящий подарок маленького беты лежал здесь.

В день, когда он ненавидел больше всего, он сжёг всё, что осталось от Ци Ханя.

А когда простил...

Он потратил пять дней, чтобы отдать всё, что у него ещё было.

Ци Хань машинально перевернул последнюю страницу, будто не веря, будто надеясь, что дальше будет ещё что-то... но это был конец.

Он осел вниз, сползая по дверному косяку, ощущая, как внутри разливается что-то пустое, вязкое, тягучее, как гудрон.

И в этот момент с потолка упало что-то тяжёлое.

Деревянная табличка.

Точно такая же, как та, что висела в палате 404 Святого Дзя.

На деревянной поверхности неровной, но старательной резьбой были выведены слова:

«Музей маленьких медведей. Дарю моему любимому господину. Пусть в его жизни больше не будет боли, пусть годы текут мирно.»

— Гэ...

<http://bllate.org/book/14453/1278357>